

Глава 85. Попал под раздачу

Жаркое солнце раннего лета выжимало из людей весь пот.

От гостиницы до обители Десяти Сторон было идти всего минут двадцать. Но за эту недолгую дорогу Цзян Тан так взмок, что весь лип, а в груди почему-то поднялись странная духота и раздражение. Вернувшись во дворик, он сразу же пошёл мыться раньше обычного.

Уже в ванне у него кружилась голова. Было похоже на простуду: во всём теле слабость, лоб горячий.

Он не рискнул долго отмокать, быстро домылся, вышел и, сев у окна, распахнул створки, чтобы подсушить волосы.

Сушил, сушил — и незаметно начал клевать носом.

Вообще-то Цзян Тан прекрасно знал: если уснуть, навалившись на стол, легко простудиться. Надо было бы дойти до кровати. Но тяжёлая дремота накатила слишком резко. Голова, обрамлённая распущенными волосами, кивала всё ниже, и в конце концов он шлёпнулся щекой на собственную руку и провалился в сон так глубоко, будто мир исчез.

Солнечный свет падал на спящего юношу. Распущенные волосы закрывали половину лица, оставляя на виду только тонкий прямой нос и бледно-розовые губы.

Золотистое сияние коснулось его фарфорово-белой щеки, будто поцеловало её, и кожа словно сама начала светиться.

Постепенно солнце опустилось к западу. Когда Хуай Чэнъинь и Е Чжэнвэнь, укутанные закатным светом, вернулись во дворик, они как раз увидели спящего у окна Цзян Тана. Побоявшись, что к вечеру поднимется прохладный ветер, они на цыпочках подошли и тихонько закрыли окно.

Солнце село. Небо потемнело.

Поднялась луна. Рассыпались звёзды.

Лишь глубокой ночью во дворик наконец вернулись люди.

Лунный свет, как вода, вытянул по земле две длинные тени. Те бесшумно вошли внутрь.

Сегодня ночью в обители Десяти Сторон было особенно тихо. Ночной ветер был мягким и ленивым, у окна тихо покачивалась зелёная бамбуковая рошица, сыпля мелкими шорохами. Но в комнате не горела ни одна тёплая лампа, и на оконной бумаге не виднелся сонный силуэт, который обычно ждал его возвращения.

Слишком пусто.

Его нет?

В сердце Фу Линцзюня вдруг без причины поднялась тревога. С сырой ночной прохладой на плечах он быстро толкнул дверь.

Со скрипом дверь распахнулась. В темноте на стуле, свернувшись маленьким комочком, спал человек, уронив голову на руки.

Фу Линцзюнь замер в дверях на миг, а потом только выдохнул.

— Глупая собака... — тихо сказал он и прикрыл дверь.

В два шага подошёл к столу и поднял спящего на руки. Липкий малыш, словно почувствовав, что он пришёл, сразу же инстинктивно потёрся о его ладонь.

Лоб, которым тот ткнулся в его руку, был обжигающе горячим и влажным от пота.

Фу Линцзюнь провёл рукой вниз: подбородок и шея были холодно-мокрые, чёлка у лба тоже намочена, а под закрытыми веками ресницы дрожали слишком сильно.

И даже в бусине у него на шее тот золотисто-алый огонёк, что тёк внутри, ослаб уже до крайности.

Фу Линцзюнь понял, что дело плохо, и, держа его на руках, вернулся к кровати. Когда он откинул с лица мокрые пряди, стало видно: обычно здоровое, нежно-розовое лицо теперь горело и пылало, брови были сведены, а из губ вырвалось мучительное бормотание.

— ...

Он прикусил губу, будто где-то было нестерпимо больно.

И почти сразу пылающий румянец на лице сменился мертвенной бледностью. Тело, только что уложенное на постель, невольно задрожало и попыталось свернуться ещё сильнее.

Цзян Тану было больно. Эта боль почти лишала его сознания. Он уже не понимал, кто он и где находится. Знал только одно: болят кости, болит мясо, болит всё тело целиком.

Фу Линцзюнь коснулся его щеки. Та была вся влажная.

Такое уже случалось однажды. Фу Линцзюнь считал, что тогда уже восполнил лекарственной силой всё, что было у него повреждено внутри. Но теперь внутри снова царил полный хаос. На кончиках его пальцев сразу же потекло слабое золотисто-алое сияние, стугустилось в маленького порхающего феникса и влетело в тело Цзян Тана.

Стоило духовной силе войти в него, как стало похоже на воду, впавшую в реку: в ту же секунду всё без остатка поглотилось Цзян Таном.

Лицо у него немного порозовело, но почти сразу снова исказилось болью. Он бессознательно тихонько хныкал, будто вот-вот расплачется.

Фу Линцзюнь сложил печать и поставил за пределами комнаты барьер. После этого с его бледных пальцев один за другим стали срывать прекрасные фениксы из пламени и лететь внутрь тела Цзян Тана.

Спящий Цзян Тан, похоже, что-то почувствовал и инстинктивно потянулся, чтобы схватить Фу Линцзюня за руку.

— Больно... — из горла вырвался мягкий, мучительный звук.

Фу Линцзюнь сжал его руку в ответ.

Он напряг ладонь. Золотисто-алое пламя непрерывно кружилось в тёмной комнате. Ответ

огня лёг на его бледное лицо, обводя потрясающе красивые, но чуть хрупкие черты.

За окном зашумела роща.

Бамбук под окном, будто почувствовав бьющую через край духовную силу в комнате, дрогнул и зашелестел зелёными листьями.

Изливавшаяся духовная сила всё множилась, превращаясь в языки пламени феникса, которые летали вокруг потерявшего сознание юноши. Пылающий духовный огонь залил всю комнату золотисто-красным светом.

Лишь спустя очень долгое время его нахмуренные брови понемногу разгладились, и лицо перестало быть таким бледным.

Дыхание тоже стало ровнее.

Рука Фу Линцзюня, опиравшаяся о край кровати, заметно дрожала. Прошло ещё много времени, прежде чем он смог поднять её и чуть коснуться лица спящего.

— Всё хорошо, Тан-Тан.

* * *

Когда Цзян Тан проснулся, ему показалось, что простуда прошла.

Перед тем как уснуть вчера, он смутно помнил, что всё тело ныло и было не по себе. А сейчас никакого жара, никакой тяжести в голове — наоборот, ясность и бодрость.

И ещё он почувствовал знакомый запах.

Маленький похотливый пёсик тут же обеими руками обхватил Фу Линцзюня, потёрся о него и только потом, переполненный радостью, открыл глаза.

И встретился взглядом с парой глаз, прекрасных и вольных, как мазки туши на живописном свитке.

У-у-у, просыпаться и первым делом видеть такую красоту — это же просто счастье.

Он обнимал Фу Линцзюня и не собирался отпускать.

— Ты... вернулся.

Снаружи, кажется, уже было слышно, как вспархивают птицы. Кто знает, сколько он вообще проспал.

Наверное, в последние дни он просто слишком яростно зубрил и переутомил себе мозги. Надо было как следует отоспаться, вот и всё.

— Мм, — Фу Линцзюнь одной рукой то и дело поглаживал его по волосам. На бледном лице не было почти никакого выражения.

Тут Цзян Тан вспомнил о том, чем вчера так и не успел с ним поделиться, и радостно заговорил:

— Я... вчера... помог одному человеку!

И, запинаясь, пересказал, как в область Цянькунь прибыли Сун Цзиньяо и Шэн Исюэ, а с ними и госпожа Хэ. Договорив, он слегка задрал подбородок и с гордостью добавил:

— Госпожа Шэн... сказала, у меня... талант к лекарскому пути... очень хороший!

Учёба у него всегда шла туго. И только на лекарском пути, похоже, действительно был настоящий дар. Он вдруг подумал, что человеку вовсе не обязательно любой ценой становиться даосским практиком с запредельной боевой мощью, который может и в небо, и в землю. Иногда тоже неплохо играть роль поддержки, быть лекарем и спасать людей.

И потом, когда Шэн Исюэ сказала, что у него великолепный талант к лекарскому пути и что всего за одно послеобеденное занятие он уже почти освоил метод подпитывания, у Цзян Тана первой мыслью было: в будущем, если Фу Линцзюнь получит рану, он сможет лечить его сразу же! Телосложение у великого босса особое, мази помогают ему медленно. А если добавить к ним лекарскую силу, разве не заживёт всё куда быстрее?

Маленький пёсик выжидательно моргнул, всем видом прося похвалы и поглаживания.

Фу Линцзюнь с холодным лицом выслушал всё, что с ним произошло вчера, и сказал лишь одно:

— Мм.

Цзян Тан: ?

И всё? Всего лишь «мм»?

Надувшись, Цзян Тан ткнул его в руку и после каждого тычка бубнил:

— Даже... не похвалил.

Голос у него был мягкий, тягучий, почти как у того, кто просится на ручки. Желание маленького пёсика, чтобы его погладили по шерстке, было написано на лице.

Но Фу Линцзюнь не только не стал его гладить. Наоборот, он перехватил его руку и с очень нехорошим лицом сказал:

— Больше не смей заниматься этой практикой.

Цзян Тан даже подумал, что ослышался. Моргнул и растерянно спросил:

— Почему?

Одну руку у него уже держали, так что он второй снова ткнул Фу Линцзюня. Ткнул пару раз, потом ухватил за рукав и покачал.

— Мне... правда нравится...

У него было чувство, будто он наконец-то нашёл путь, по которому хочет идти, будто его дерево навыков одно за другим вспыхивает новыми ветками. И вдруг Фу Линцзюнь сидит с лицом, будто у него месячные начались. Раньше, когда он хотел учиться магическим приёмам, тот ведь не возражал. Потом и вовсе сам начал учить его талисманным знакам и массивам. Так

почему теперь вдруг не хочет, чтобы он занимался совершенствованием?

— Я сказал нет — значит нет. — Фу Линцзюнь одной рукой поймал обе его шаловливые ладони и сжал тонкие запястья. — Слушайся.

Но дело вовсе не в том, слушаться или нет. Дело в том, что двоечник наконец решил взяться за ум, нашёл направление, в котором действительно хочет стараться, а его вдруг останавливают.

Цзян Тан никак не мог понять, о чём Фу Линцзюнь вообще думает. Он запинаясь спросил:

— Тогда... знаки и массивы?..

Фу Линцзюнь чуть ослабил хватку, боясь сделать ему больно.

— Это можно.

Цзян Тан запутался ещё сильнее.

Если бы Фу Линцзюнь просто не хотел его учить, он бы тогда вообще ничего не позволял ему изучать. Почему же он запрещает только совершенствование? Сила знаков и массивов зависит от духовных ядер, а их каждый раз нужно раскладывать заранее. Это неудобно. Если бы он мог сам совершенствоваться и брать силу из собственного тела, разве не было бы ему легче защищать себя?

— Я просто... хотел учиться... чтобы помогать тебе...

В груди у него будто шипела и пузырилась кислая газировка из обиды. Эта кислинка была и обидой, и непониманием.

За окном качался зелёный бамбук, и свет, просеянный сквозь листья, ложился пятнами на оконную бумагу.

Половина лица Фу Линцзюня была залита мягким светом, другая тонула в тени. Губы сжались в прямую линию. Спрятанная в рукаве другая рука медленно стиснулась так сильно, что побелели костяшки.

— Пока ты рядом со мной, тебе незачем учиться всему этому, — сказал он. Голос прозвучал слишком жёстко.

Цзян Тан не поверил своим ушам.

Ему даже на миг почудилось, что в тело Фу Линцзюня кто-то вселился. Как можно было сказать такое? Он уже давно перестал быть маленьким зверьком. Разве есть что-то дурное в том, что он хочет стать сильнее? Такой жёсткий тон заставил Цзян Тана почувствовать, что в глазах Фу Линцзюня он всё ещё всего лишь домашний питомец, которого надо кормить и беречь, а чего он сам хочет, неважно. Почему Фу Линцзюнь совсем не пытается его понять?

Раз говорить бесполезно, он не будет. Между ними повисла тяжёлая тишина. Воздух стал плотным и серьёзным.

Цзян Тан надулся, как сердитый иглобрюх, и со всей силы начал выдёргивать обе руки из хватки Фу Линцзюня. Тот не отпускал, и тогда Цзян Тан рванулся ещё сильнее. Тонкие запястья тут же вспыхнули краснотой.

Вместе с ними покраснели и глаза. Ресницы дрогнули, будто на них уже собиралась влага.

Рука, державшая его, внезапно разжалась.

Как только он вырвался, Цзян Тан, одновременно злой и обиженный, тут же соскользнул с кровати, натянул обувь и, не оборачиваясь, выбежал наружу, хлопнув дверью так, что весь дворик дрогнул.

Он не видел, как в тот миг, когда дверь захлопнулась, в глазах Фу Линцзюня, стоявшего в тени, мелькнули тревога и горькая боль.

Сегодня Сян Син не получал от хозяина никаких поручений, так что снова торчал во дворе и смотрел на цветы. Увидев, как Цзян Тан, пыхтя от злости, вылетел наружу, он удивлённо моргнул.

Сяо Бай сердится.

Эксперт по утешению маленьких зверьков тут же вытащил из-за пазухи плетёного из травы сверчка и покачал им перед Цзян Таном.

— Тебе.

Цзян Тан опустил взгляд на сверчка, всхлипнул носом, взял подарок и очень размашисто объявил:

— Пошли. Есть!

Специально сказал погромче. Явно так, чтобы Фу Линцзюнь услышал.

И шагал потом тоже нарочно очень шумно, почти впечатывая каждый шаг в землю.

Их возня заставила Е Чжэнвэня и Хуай Чэнъиня тоже высунуться из комнаты. Они выглянули наружу и увидели, как Цзян Тан вместе с Сян Сином уходят искать, чем бы перекусить.

— У господина Цзяна сегодня плохое настроение? — спросил Хуай Чэнъинь.

Е Чжэнвэнь держал в руке горсть семечек, лузгал их одно за другим и, сплёвывая шелуху, со знанием дела сказал:

— Хм. По моему опыту, он точно поругался с братом Линем.

Хуай Чэнъинь не понял:

— Если он поругался с братом Линем, почему тогда пошёл есть?

— ...

Е Чжэнвэнь вдруг понял, что объяснять Хуай Чэнъиню, почему смысл этой сцены не в еде, а совсем в другом, слишком утомительно. Он украдкой закатил глаза.

— Ай, ты не поймёшь. На, держи семечки. Я пока схожу к госпоже Шэн. Долузаешь — может, сам догадаешься.

Скрипнула дверь.

Из комнаты напротив, той самой, что была прямо напротив комнаты Цзян Тана, вышла высокая фигура.

У Е Чжэнвэня ещё крутилась в голове мысль, что да, похоже, всё серьёзно, раз уж даже спят они теперь по разным комнатам, как вдруг брат Линь совершенно безэмоционально бросил:

— Госпожа Шэн и господин Сун вместе. Ты-то там что забыл?

Е Чжэнвэнь: ???

Он треснул окончательно.

Вот скажите на милость, что он такого сделал? За что ему вообще вот так в сердце ножом тыкать?!

<http://bllate.org/book/17032/1653730>